

Предлагаемая читателям статья Б.Н.Пойзнера необычна для научного журнала и наверняка будет встречена и оценена по-разному. Свидетельством тому служат предварительные рецензии: историк удивился эрудиции автора-физика, специалист по математической и теоретической физике статью одобрил и рекомендовал не вносить в нее изменения, сохранив авторский стиль; философ, напротив, сделал ряд обоснованных замечаний и посчитал нецелесообразным публиковать статью в представленном виде.

Редакционная коллегия, публикующая статью, рассматривает её как своеобразный *Vademecum* по мифологическим, художественным и философским произведениям, в которых присутствуют образы хаоса, порядка и времени. Работа может быть использована как хороший библиографический указатель, отреферируенный автором. В первую очередь она заинтересует преподавателей, читающих лекции по вопросам теории хаоса и структур.

Редакционная коллегия

Изв.вузов «ПНД», т.1, № 3,4, 1993

УДК 530.1

ХАОС, ПОРЯДОК, ВРЕМЯ В ДРЕВНИХ КАРТИНАХ МИРА

Б. Н. Пойзнер

Древние картины мира оперируют мифологемами хаоса и космоса, связанного с течением времени. Сопоставление образов хаоса в мифах разных народов (от эпохи раннего Египта до средневековья) позволяет увидеть их общие черты и отличия, обусловленные культурными и историческими факторами. В ряде моделей космоса и исторического времени предусмотрена возможность (или даже неизбежность) возвращения первобытного хаоса. Предлагается говорить о времени хаоса: во-первых, как о его стадиях («статический» и «динамический»); во-вторых, как об эре конкурентного сосуществования воцарившегося порядка и затаившегося хаоса. В современном самосознании культуры эту эру отражают три типа творческих индивидуальностей: «стражи времени», «хранители порядка», «блюстители хаоса». Выявление произведений отечественной словесности, принадлежащих авторам третьего типа, обозначит «Русский Хаос», то есть мир художественных воплощений философемы хаоса.

... хаос поет в наших русских печках, стучит нашими вышками и заслонками.

Осип Мандельштам

... хаос есть отсутствие всякого порядка, значит и того, который исключает возможность жизни.

Лев Шестов

Если хаосу читатель инстинктивно противостоит, опасаясь быть сбитым с ног, а порядку привычно сопротивляется, боясь оказаться со связанными руками, можно думать, что в читателе продуктивно интерферируют архетип и свежая

память об осуществленных утопиях. Автор предполагает, что такого человека занимают вопросы: когда появились образы хаоса и порядка? насколько они отличаются в разных культурах? в каких ритуалах и традициях отразились ранние представления о хаосе и порядке? Данная статья есть попытка помочь искушенному в синергетике специалисту удовлетворить свой интерес и снабдить его списком основных изданий последних лет. А заодно – побудить к рефлексии, уточняющей его мировоззренческие предпочтения.

Категория хаоса и порядка – древнейшие спутники человеческой мысли. Но появились они не раньше, чем ее стала занимать загадка происхождения и причин существа. Показательно, например, что концепция хаоса наиболее эффективно развивалась в древнегреческой культуре при зарождении науки о *природе*. Древние картины мира мифологичны, поэтому обращение к ним требует учитывать специфику мироэтического мышления. В этом помогают яркие сочинения А.Ф.Лосева [1], О.М.Фрейденберг [2], Я.Э.Голосовкера [3], М.Элиаде [4], К.Леви-Строса [5], Ф.Б.Я.Кейпера [6], С.Г.Хука [7], Е.М.Мелетинского [8], М.И.Стеблин-Каменского [9], В.Н.Топорова [10], В.Б.Иорданского [11], И.М.Дьяконова [12] и справочная литература [13–16].

Образы хаоса в мифах разных народов

Самая ранняя из известных концепций хаоса принадлежит древнеегипетским жрецам (ок. 2500 г. до н.э.) [17, 18]. Гелиопольская космогоническая версия словно бы предвосхищает парадигму синергетики, описывая божественную мастурбацию Ра [19]:

Ты поднялся ввысь под своим именем Холм¹ –
Тот, который высок.
Ты возник под своим именем Хепри –
Тот, кто возникает.
Атум – Тот, кто сам себя породил,
извергнув семя в Иуну².
Он взял свой член в руку свою,
вызвав извержение семени...

Согласно «Текстам пирамид», откуда взята цитата, Ра-Атум-Хепри создал себя (самоорганизация) из хаоса, называемого Нуном [12]. Первоокеан Нун, т.е. необозримое предвечное водное пространство, из недр которого появился Ра, является антиподом его деятельного и животворящего начала [18].

Мемфисская модель творения оперирует с понятием, напоминающим Логос у иудейско-эллинского философа Филона из Александрии [15] и евангелиста Иоанна («В начале было Слово, и Слово было у Бога ...»). Еще ближе к концепции самоорганизации материи космогония жрецов Гермополя. Согласно ей мир не создан, а порожден из хаоса сам собой, без вмешательства демиурга. Книга мертвых предусматривает возможность перехода порядок-хаос. Недовольный поведением богов Ра угрожает: «Я разрушу все, что я создал. Мир снова превратится в хаос и бесконечность, как вначале»[13]. Такая эсхатология не противоречит принципам современной науки о хаосе и структурах.

В противоположность египтянину, уверенному в незыблемости природных ритмов, для жителей Месопотамии в 26 в. до н.э. мировой порядок казался не столько стабильно существующим, сколько, выражаясь словами И.Р.Пригожина, возникающим «за счет непрерывного объединения множества воль всех людей, животных и вещей». В месопотамской культуре вселенная понималась как государство [20–22]. В шумерской космологии в ряде мифов хаос представлен Намму (Первоокеаном), «матерью, породившей всех богов». Другая группа мифов

¹ В некоторых мифах это не земляной холм, а иной фаллический образ – огненный столп [18].

² Иуну – древнейшее название Гелиополя, означающее Город Столбов, т.е. символов первозданного холма [19].

ассоциирует хаос с неразрывной слитностью бога Ана (небо) и его жены, которую нарушает их сын Энлиль (владыка – ветер), внося в мир движение [4]. Однако Энлиль, оберегающий порядок от хаоса, непредсказуем, буен, грозен, способен к разрушению жизни.

Соседями шумеров были восточные семиты – аккадцы. У вавилонян – народа, говорившего по-аккадски и сформировавшегося после слияния шумеров и аккадцев, происхождение мира объяснялось в грандиозном сочинении «Энума Элиш»[21]:

Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсуз первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что все породила,
Воды свои воедино мешали.

По шумерским представлениям, неназванное не существует. Именем Апсӯ (бездна) назван подземный пресноводный океан, на котором покоится земля [14]. Мардӯк, сын Энки, рожденного Первоокеаном Намму и убившего Апсуз, победил его супругу Тиамат и, разрубив ее на две части, из нижней сделал землю, из верхней – небо. Считается, что Тиамат (море) изображалась в виде чудовищного дракона или семиголовой гидры. По мнению М.Элиаде, дракон собирает все черты первобытного хаоса: Первоокеан, женский дракон, андрогинное существо, чудовище–поглотитель, эмбрион [4].

Аналогичный змееборческий сюжет присутствовал в мифологии хеттов (ок. 17 в. до н.э.). Победа бога грозы над змеем Иллуюнкой воспроизвилась в новогоднем (весеннем) ритуале и символизировала триумф жизни над смертью [7, 24 – 26].

Ханаанейская языческая религия, чьим продолжателем и оппонентом стала иудео–христианская традиция, реконструируется на основе мифологических табличек из Угарита – города–государства в Северной Сирии (14–13 вв. до н.э.). В западносемитской мифологии воплощением хаоса был бог смерти Муту, разрушительные силы водного хаоса символизировал семиголовый Дракон, в некоторых угаритских текстах называвшийся Левиафаном, как и в Ветхом завете (Иов, 41, 2–26, Псалом 73, ст.13, 14), а также в Откровении св. Иоанна Богослова (12, 3) [13]. Властелин водной стихии бог Иамму (море) олицетворял зло, претендующее на власть над миром [14]. В описании исходного состояния мира упоминались два Океана. Их соотносят с библейским преданием: « И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью» (Бытие, 1, 7) [12, 26–28].

Древнееврейский образ хаоса запечатлен в Книге Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». Дж.Уилсон, указывая на параллель с гермопольской версией неуловимого и непостигаемого хаоса, отмечает и отличие: египетский миф акцентировал самозарождение Бога–творца, а в древнееврейской космогонии он – вне хаоса [20]. И.М.Дьяконов допускает, что древнееврейское слово *бохӯ* (хаос) связано с аккадским корнем *bšy* –*совокупляться, зачинать, быть способным что–либо сделать* [12]. Считается, что древнееврейское слово *тхом* (мировая бездна) родственно аккадскому имени Тиамат [7]. Но бездна хаоса создана творцом и ограничена в своих возможностях. Господь, отвечая Иову из бури, говорил, что Он утвердил бездне моря Свое «определение, и поставил запоры и ворота, И сказал: "Доселе дойдешь, и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим"» (Иов, 38, 10, 11). Как и Ра в гермопольском мифе, Бог Библии грозил возвратом к хаосу; более того, исполнил свою угрозу, попустительствуя потопу (Бытие, 7, 11), тем самым создав прецедент управляемого хаоса. В остаток водного хаоса на земле, т.е. в морские бездны, помещены, согласно Библии, все, кто противятся мировому порядку: Левиафан и другие чудовища – Нахаш, Раав, Танин (Исаия, 27, 1 и 51, 9–10). «Дракон хаоса мелькает в эсхатологических картинках, рисуемых ветхозаветными пророками

после Изгнания», – отмечает С.Г.Хук [7]. По мнению В.Н.Топорова, библейская традиция (как и угаритская) выражает идею богооборческого хаоса. Наоборот, в финикийской космогонии темный хаос изначален, вечен и беспределен [13].

Пример апофатического (или нулевого) описания хаоса, при котором он определяется через отсутствие у него известных свойств, дала ведийская мифология [13]. Ригведа (гимно–знание), датируемая рубежом второго и первого тысячелетий до н.э., представляет собою сборник текстов на санскрите, исполнявшихся в ходе жертвоприношений богам ариев. Гимн о сотворении мира (X, 129) начинался так [29]:

Не было не–сущего, и не было сущего тогда.
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что двигалось туда и сюда? Где? Под чьей защитой?
Что за вода была – глубокая бездна?
Не было ни смерти, ни бессмертия тогда.
Не было ни признака дня (или) ночи.
Дышало, не колебля воздуха, по своему закону Нечто Одно,
И не было ничего другого, кроме него.
Мрак был скрыт мраком вначале.
Неразличимая пучина – все это.

В комментариях к космогоническому гимну У.Н.Браун разъясняет, что, хотя в древнем хаосе присутствовали силы раскрепощения, направленные к упорядочению мироздания и приведению в движение его частей, их активности не хватало. Когда же небо и земля породили некую силу (желание), она разъединила их, заполнив собой пространство между ними. Преодолев инерцию, сила опорожнила хранилища, заключавшие воды и солнце. Все части мира были приведены к порядку ипущены в движение. Но и впоследствии тенденция к хаосу не была искоренена: сопротивление инерции требует преодоления всегда [30]. Ф.Б.Я.Кёйпер [6], а затем В.Н.Топоров [10] обращают внимание на фундаментальное понятие *рита* (мировой порядок), космический закон. Знакомые нам слова *ритуал* (лат. ритус) и *ровный* восходят к *ритe*. А наше родное слово *обряд* (славянское обозначение ритуала) семантически и фонетически связано со словом *порядок*.

Центральный миф Ригведы повествовал о том, как бог грома и молний Йндра (сила) «убил перворожденного из драконов.... Вритру, самого страшного врага, бесплечего... Выход вод, который был заткнут, он открыл, когда убил Вритру» (I, 32; 4, 5, 11). В Ригведе дракон изображен как бесформенность с использованием прилагательных неразделенный, непробудившийся, спящий, погруженный в глубочайший сон, распростёртый. Поэтому М.Элиаде интерпретирует Вритру как хаос до сотворения, мешающий миру осуществляться или длиться [4]. В других версиях космогонии первая стадия творения трактовалась в Ригведе (X, 121) как возникновение из вод хаоса мирового яйца – «золотого зародыша. Родившись, он стал единственным господином творения» [29]. Уместно вспомнить, что по гермопольской версии созидательные потенции олицетворяли четыре бога – мужчины. Их женскими параллелями были четыре богини. Плававшие в водном хаосе (Нуне) восемь богов создали изначальное яйцо, которое разделяло и одновременно соединяло землю и небо. Яйцо было невидимым, поскольку возникло до сотворения мира, во тьме, но содержало дыхание, воздух. Из яйца в образе птицы вышло солнечное божество и, согласно Книге мертвых, сказали: «Я – душа, возникшая из хаоса, мое гнездо невидимо, мое яйцо не разбито» [19].

В древнегреческой традиции идея космоса парадигмальна. Термин *космос* имел несколько фундаментальных смыслов: порядок, строение, правовое (государственное) устройство, мироздание, наряд, краса, украшение. И.Д.Рожанский пишет [31], что Гомер (8 в. до н.э.) существительное *космос* употреблял лишь в первом и последнем смыслах, для вселенной он еще не имел обозначений. Картина мира в его представлениях была статична, пространственно конечна и структурирована в вертикальном направлении: небо олимпийских богов – земля людей – подземное царство мертвых Аид – подземная бездна Тартар, куда

Зевс свергал своих противников – богов. Напротив, Гесиод в поэме «Теогония» (ок. 700 г. до н.э.), рассказывая о происхождении богов, описал динамику космогенеза [31]:

И вот раньше всех возник Хаос, а затем
Гея широкогрудая, вечно незыблсмое основание для всех
Бессмертных, которые населяют вершины снежного Олимпа,
И сумрачный Тартар в недрах широкой земли,
И еще Эрос, прекраснейший из всех богов ...

Греческое слово хаос означает зев, зияние, разверстое пространство, пустое протяжение (от глаг. зевать, разверзаться). А.Ф.Лосев и Ф.Х.Кессиди подчеркивают, что у Гесиода Хаос являлся одновременно и мифологическим существом (первопотенцией наряду с Эросом и др., родителем двух космических существ Ночи и Эреба, персонификации мрака), и физическим явлением (бесконечным, пустым и темным пространством), и продуктом художественной фантазии, и категорией первобытного научообразного мышления. Но гесиодовский Хаос не существовал вечно, не был источником окружающего нас мира, он возник из ничего во времени так же, как и Земля и другие мифологические существа. Гесиодовский космос имел, как и гомеровский, несколько ярусов. В космогонии комедиографа Аристофана (ок. 445 – ок. 386 гг. до н.э.) Хаос, Эреб, Ночь и Тартар выступали как первопотенции. От Эреба и Ночи родилось мировое яйцо, из которого появился Эрос, породивший из семени своего Землю, небо, море, богов, людей. От Хаоса Эрос произвел в Тартаре птиц [13]. А.Ф. Лосев не исключает, что космогония Аристофана – пародия на космогонию орфиков, составлявших течение, отколившееся в б. в. до н.э. от дионисийских мистерий [15]. Ферекид из Сироса (б. в. до н.э.), по преданию – учитель Пифагора [32], считал водный Хаос началом бытия. Анаксагор (ок. 500 – 428 гг. до н.э.), как разъясняет И.Д.Рожанский, учил, что первоначальное состояние Вселенной было подобно Хаосу у Гесиода и апейрону (первоматерии) в философии Анаксимандра (ок. 611 – 546 гг. до н.э.). Физический аспект Хаоса углубленно рассматривался Платоном (427 – 347 гг. до н.э.) и Аристотелем (384 – 322 гг. до н.э.). Платон понимал Хаос как принцип становления чистой, т.е. лишенной всяких физических качеств, материи [31]. Сегодня в близком направлении работает научная школа И.Р.Пригожина. В сочинении «Против ученых» врача и философа конца 2 в. Секста Эмпирика имелось такое рассуждение: « ... Хаос есть место, вмещающее в себя целое. Именно, если бы он не лежал в основании, то ни земля, ни вода, ни прочие элементы, ни весь космос не могли бы и возникнуть. Даже если мы по примышлению устраним все, то не устраниется место, в котором все было» [13].

А.А.Тахо–Годи обращает внимание на особенность римского восприятия хаоса [33]. В «Метаморфозах» Овидия (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.) хаос таков [34]:

...Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был, – и только, – где собраны были
Связанных слабо вещей семена разносущные вкупе.

В ученой поэме «Фасты» Овидий в соответствии с традицией посвятил день 1 января описанию римского бога входов и выходов «Януса двуглавого», который признается: « Хаосом звали меня в старину (я древнего рода)» [35]. Янус–Хаос, бывший некогда «безликою громадой», разъясняет, что после разделения стихий и образования космоса

... Земля, небеса, и моря, и туманы –
Власти моей подлежат, крепко я это держу.
Все это я сторожу один на пространстве вселенной,
Круговорашеньем всего мира заведую я ...
Даже владыке богов вход я и выход даю.

Сходное понимание времени и у Марка Аврелия (2 в. н.э.), римского императора

стоика по убеждениям. В трактате «Размышления» он сетовал: «...как быстро забывается все, как зияет вечность, бесконечная в обе стороны...» [36]. Среди стоиков бытовала и аквтическая концепция хаоса, и трактовка хаоса как принципа разделения. Например, Манилий, автор дидактической поэмы «Астрономия» (нач. 1 в.) утверждал: «Хаос некогда расчленил смешанные первоначала вещей при их возникновении» [13].

Возвращаясь в начало 3 в. до н.э. в Китай, космогонический миф можно найти в VII главе даосского произведения «Чжуан-цзы». Профессор Юань Кэ излагает его так [37]. Владыку Южного моря звали Шу (Быстрый), владыку Северного звали Ху (Внезапный), а владыку Середины – Хунь-дунь (Хаос). Шу и Ху часто навещали Хунь-дуня, который встречал их необычайно приветливо. Как отплатить ему за его доброту? Каждый человек, – сказали Шу и Ху, – имеет глаза, уши, рот, ноздри – семь отверстий в голове, чтобы видеть, слышать, есть и обонять. Но Хаос не имел ни одного из них, и жизнь его не была по-настоящему прекрасной. Самое лучшее, – решили они, – просверлить ему эти отверстия. Каждый день они сверлили по дыре. На седьмой день Хаос, которого его лучшие друзья так издырявили, умер. Но в результате возникли вселенная и земля.

Термин хунь-дунь употреблялся и в даосской книге «Хайнань-цзы» (2 в. до н.э.) для обозначения недифференцированного хаоса, когда небо и земля слиты воедино, как куриное яйцо. Постепенно в этом мраке появились духи Инь и Ян, которые начали упорядочивать мир [38]. Дерк Бодде констатирует возрождение этого термина в современном обиходе: так называют пельмени в супе [39]. Более того, исследователи ассоциируют хунь-дунь с теми объектами живой природы и предметами материальной культуры, которые сферичны: тыквой – горлянкой, шариком, клецкой. Слово–полуповтор хунь-дунь по своему фонетическому рисунку и семантике аналогично словечкам типа *трапли-вали*. Как образ бескачественности, а вместе с тем кругости и целостности, Хунь-дунь подобен Хампти-Дампти (Шалтаю-Болтаю из старины детской песенки, ставшему героем «Алисы в Зазеркалье», причем по замечанию М.Гарднера, в мире Шалтая-Болтая его имя имеет «универсальное значение» [40]) и даже ... Колобку из русской сказки [41].

В японских мифах раннего средневековья мы встречаем знакомый сюжет: вначале был хаос, похожий на океан масла или на яйцо, которое уже содержало в себе зародыш [42].

В более поздних мифологических концепциях часто звучит тема змееборчества. К.Г.Юнг относил дракона к системе архетипов человечества, т.е. наследственно передающихся эмоционально окрашенных схем. По мнению Я.В.Чеснова, дракону отведена образно–понятийная роль посредника между землей и небом (таков, в частности, зеленый змий у славян [43]). В.Л.Рабинович, интерпретируя идущий от Александрийцев алхимический символ Уробороса, дракона, пожирающего собственный хвост, называет халдейско–аввилонскую традицию, соприкоснувшуюся с египетским магико–герметическим искусством [44].

Чудо Георгия о змие за 700 лет послужило основой многочисленных произведений русского искусства. Оригинальным вариантом драконоборческого сюжета стали русские духовные стихи о Егории Храбром, сыне царствующей «на Святой Руси» Софии Премудрой, заточенном в подземелье на 33 года гонителем христиан «Демьянищем», т.е. императором Диоклетианом. Чудесно освободившись, Егорий приступает к труду просветления мира. Внимательному читателю ясно: Егорий всему дает закон, во всем открывает дремлющий *софийный* смысл, выводит каждое существо на предназначенную ему орбиту, и змейящийся тесный хаос раздвигается в просторный и светлый космос [45].

Модели мира и времени

У древнегреческих философов, начиная с Гераклита (ок. 554 – 483 гг. до н.э.), словом *космос* обозначались и вселенная, и более локальная действительность, окружающая человека, и эстетически отмеченный пространственный порядок. У римлян в первых двух случаях использовалось слово *мундус*, а в последнем – *классис*. Когда-то *классис* обозначало флот, т.е. строй судов, позднее – порядок вообще. Отсюда – классификация (упорядочение), классический (первоклассный, образцовый). По наблюдению В.Н.Топорова, немецкое слово *вельт* и английское *урлд*, обозначающее мир, объединяют корни *вер* (человек) и *альтар* (возраст, поколение). Аналогичную интерпретацию допускает славянское слово *век* [13].

Впервые представление о космосе как временном потоке, уносящем события и человека в историю и далее в вечность, отменявшее понятие цикла – наиболее ранней модели космической динамики [1, 31] (симптом ее появления в сознании – ритмический орнамент на изделиях новокаменного века [1, 38, 41, 46]) – выдвинули древнееврейские пророки. Центральное понятие библейского мистического историзма – *олам* (буквально – сокрытое, завещанное, т.е. не только про-время, но и будущность). С.С.Аверинцев дает такое толкование: олам – и вечность, и *мировое время* (в переводе М.Бубера и И.Розенцвейга), которое движется и может кончиться и смениться другим оламом, другим состоянием времени и вещей. Талмуд упоминал олам в составе эсхатологического понятия, переводимого с равным правом и как *будущий век*, и как *будущий мир* [47]. Подобный подход к необратимым процессам, какими являются все исторические, не противоречит и концептуальным работам Г.Хакена. Подводя итог исследованиям по синергетике, он выразился лаконично: «Мир – не лазер» [48]. Тем не менее в оламе можно видеть категорию, обобщающую неравновесный фазовый переход.

М.Элиаде развивает мысль о том, что новогодние ритуалы и праздники у древних египтян, вавилонян, аккадцев, хеттов, иранцев, индийцев, семитов, персов, греко-римлян, германцев, славян, японцев воспроизводили космогонический акт. А это требовало возродить и реактуализировать первоначальный хаос, предшествовавший творению, «когда возможное неотличимо от действительного». Последнее предполагало, во-первых, аннулирование закона времени: почти повсеместно в древнем мире распространено поверье, что умершие возвращаются к своим семьям в дни, близкие к Новому году, поскольку возродился первоначальный хаос, мировой порядок уничтожается и воссоздается заново. Во-вторых, отмену социальной иерархии и норм поведения, выражавшуюся, например, в том, что господа ухаживали за своими служами, допускались все виды распущенности, особенно половой: тем самым достигался регресс социальных структур к бесформенному единству, оргиастическому хаосу. Тенденция периодического возрождения космоса и времени, основанная на наблюдениях за биокосмическими ритмами, упраздняет *историю*.

А ветхозаветные пророки хотя и интерпретировали исторические события как вмешательство бога Яхве, но, отрицая возможность вечного повторения посылаемых им страданий, учили, что когда явится Мессия, мир будет спасен раз и навсегда. Тем самым идея цикла преодолевалась, история приобретала ценность диалога с грозным Яхве и неповторимой цепи событий: победа над хаосом (вместо новогоднего ее празднования) переносилась в будущее [4]. Можно добавить, что согласно Каббале (возникшей значительно позже, между 3 и 8 вв.) цифра 8 выражает идею вечности, а 10-я буква древнееврейского алфавита «Иод» – идею Порядка. В ее части, называемой Книгой Творения (Сефер Иецира) объявлено, что бог Эль Шаддай (Яхве) создал мир свой счислениями. О десяти абстрактных числах (Сефиrotах) установлено: «первое – дух Бога живого ..., второе – дуновение от духа ..., третье – вода от эфира. Он начертал и выбил из нее хаос («Тоху и Боху»), влагу и глину... Четвертое – огонь от воды...» [49].

Хаос и порядок составляют бинарную оппозицию, посредством которой

строились древние картины мира. Смысл этой оппозиции обычно видят в том, что космос вторичен по отношению к хаосу: и во времени, и по составу элементов. Порядок образуется из хаоса путем трансформации *свойств* последнего: тьма преобразуется в свет, пустота – в заполненность, аморфность в структурность, непрерывность в дискретность, бескачественность – в разнообразие качеств и т.д.

Почти во всех мифах последним этапом перехода хаоса в космос оказывается человек [50]. И Бог, и человек часто выступают как образы мирового порядка, но и космос может служить моделью Бога и человека. По мере идущего процесса самоорганизации космоса хаос оттесняется на его периферию (вовне или вниз). Но полностью хаос не преодолевается: он затаивается [10, 13]. Согласно М.Элиаде издревле считалось, что Хаос и Космос соприкасались в священном центре: храме, городе, воздвигнутом, как например, Вавилон, Ларса, Иерусалим, над пунктом, где находилось устье подземных вод Хаоса.

В жизни человека доминирует порядок, логос. Деятельность человека (по крайней мере, мирная деятельность, если не принимать во внимание ее последствий, губительных для биосферы) направлена на *космизацию*, на превращение Натуры в Культуру. Известно, что ритуалы, предшествующие использованию новой территории, строительству храма и т.п., символически повторяли акт творения, превращая жизненное пространство из *хаоса* в *космос* [4]. Противопоставляя хаосу мировой порядок, В.Н.Топоров подчеркивает временной характер последнего: во–первых, он возник, во–вторых, он может (а по некоторым учениям – должен) погибнуть из–за вселенского катаклизма либо из–за постепенного снашивания космического начала в хаосе [13]. Например, катастрофа, при которой «основания земли потрясутся», описана в пророчестве Исаии (Ис., 24, 20): «Шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет над ней; она упадет и уже не станет.» Апокалиптические перспективы изображены христианским богословом рубежа 3–4 вв. Лактанцием [15]. «Прорицание вёльвы» – первая песня «Старшей Эдды», возникшая в Исландии в 10 в., – содержала картины *нулевого* хаоса, золотого века, гибели богов и повторного рождения мира [51, 52].

Время хаоса

Следует отличать два типа (или две стадии) хаоса – *статический* и *динамический*. Первый, согласно Ф.Б.Я. Кёйперу, есть неделимое единство, предшествующее с сотворению *космоса–истории* [6], т.е. вполне равновесное состояние праокеана. Второй тип – пришедший в движение хаос, испытывающий спонтанное изменение благодаря наличию неравновесности. Если использовать мысль Г.А.Ткаченко [41], *динамический* хаос осуществляет материнскую потенцию материи, о которой в древнекитайской книге «Лао–цзы» напоминает образ «темной самки», а в «Паломничестве Чайльд–Гарольда» (IV, 71)–байроновская строка: «... и хаос бьётся в муках родовых».

Каково же происхождение самого хаоса, равно как и Демиурга (Преобразователя хаоса в *космос*)? Здесь возможны различные начальные и граничные условия. Эволюционистские мифы задают эти условия в *минус–бесконечности*. Согласно им первозданный хаос безначален и беспределен. Момент времени, принятый за нуль, – это момент, когда началась деятельность Демиурга, направленная на первоматерию либо на самого себя. Креационистские мифы, наоборот, исходят из положения, что до момента времени, принятого за нуль, не было абсолютно ничего. Благодаря воле Креатора бытие возникло в *нулевой* момент времени из абсолютного ничто в акте творения. В китайской натурфилософии, например, небытие и бытие в своей совокупности противопоставлены предшествующему им Хаосу как первонеразделенности. Хаос же противопоставлен абсолютному ничто, фундаментальному по отношению к этой иерархии уровней бытия и предшествующему им всем [41].

Универсальная и древняя концепция идеального первосостояния

человечества (золотого века) и отпадения человека от него породила гипотезу о том, что до начала миротворения произошла некая метакатастрофа. Еёrudimentом был первозданный Хаос. Поэтому всякая демиургия, всякая творческая деятельность, противостоящие ему, выступают как «ликвидация недостачи» (выражение В.Я.Проппа), причем она неисконна, вторична. Опираясь на космогонически-эмбриогенические параллели в мифах и ритуалах, т.е. на связь верха и низа, того, что вовне, и того, что внутри, В.Н.Топоров приводит в качестве аналога идеальное перво состояния (абсолютный уют и защищенность) плода в материнском чреве. После рождения возникает принципиально иное состояние, в котором основная проблема – сохранить только что возникший микрокосм – решается путем «ликвидации недостачи», т.е. деятельности, самоорганизации [10]. Иную гипотезу выдвигает поэт русской эмиграции Юрий Иваск (1978 г.):

Дала ли Тьма (хаос, ничего) согласие
на то, чтобы из нее творили мир?
– Нет.
Отсюда зло: месть тьмы.
Тьма сама по себе не зло.
Она – вольная воля.

Перекличка Ю.Иваска с Л.Шестовым (см. эпиграф) очевидна. А вот Я.Голосовкер, стремясь понять, что же хотел сказать Эсхил своим Прометеем, задается вопросами: «Не получил ли Зевс свое пророчество от стихийной мудрости Хаоса?... Не велик ли Прометей, потомок Хаоса, создатель культуры и человеческого устройства, величием мироустройителя – Зевса?» По предположению Я.Голосовкера, слиянием страстного разума Прометея с бесстрастным разумом Зевса в эпилоге трагедии Эсхил дает понять, что состоялось примирение хаоса и гармонии, спасшее зевсов миропорядок [3].

Неистребимость отстатков хаоса всегда фиксируется сознанием человека, формируя мировосприятие, тонко переданное Ф.Тютчевым:

И бездна нам обнажена
Своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами –
Вот отчего нам ночь страшна.

Частые социальные катастрофы, определившие лик столетия, обострили в культурном самосознании ощущение всеприсутствия хаоса и его потаинности. В России это чувство разделяли едва ли не все мыслители и литераторы «серебряного века». Так, в «Шуме времени» (1923 г.) Осип Мандельштам, вспоминая свои детские переживания в конце глухих 1890-х годов писал об угрозе разрушения, с которой ассоциировался хаос у его старших современников: «Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блестательный покров, накинутый над бездной...» Что же было в действительности? «не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел...» А, например, у американца Генри Миллера, жившего в Париже, писателя с совсем иным историческим опытом, отношение к хаосу лишено эсхатологического оттенка и даже конструктивно. В романе «Тропик Рака» (1934 г.) он мимоходом дает определение, вполне уместное в монографии по нелинейной физике: «Хаос – это партитура действительности».

Итак, о времени хаоса можно говорить в двух смыслах. Узко – как о его стадиях (или типах): *статический* [6] и *динамический* хаос. Предельно широко – как об эре конкурентного сосуществования установленного демиургом космического порядка и затаявшегося хаоса. Наша современность в силу своей перманентной катастрофичности претендует быть последней эпохой этой эры.

Если опираться на концепцию архетипа, разработанную К.Г.Юнгом [53], следует думать, что в нашем бессознательном присутствуют психические структуры, передающие мифологемы древнейших картин мира, обсуждавшихся выше. По тому, какая мифологема преобладает, должны выделяться

особенностями своего творчества (яснее всего – художественного) те или иные натуры. Тогда естественно ожидать, что существуют три *чистых* разновидности творческих фигур. Назовем их условно так: *страж времени, хранитель порядка* (*housekeeper*), *блюститель хаоса*. В качестве примеров, иллюстрирующих (довольно субъективно) предложенную классификацию, можно привести имена виртуозно владевших логосом Велимира Хлебникова, Даниила Андреева, Андрея Белого. Аналогичные триады нетрудно найти в мировой живописи, музыке и т.д.

Выявление произведений отечественной словесности, принадлежащих третьей разновидности авторов, должно обозначить «Русский Хаос», т.е. мир художественных воплощений философемы хаоса, а вместе с тем составить одноименную книгу (подобную сборнику В.П.Шестакова и А.Н.Богословского [54]), объединяющую наблюдения и раздумья блюстителя хаоса в России. Понятому, среди вытекающих из них заключений будет и вывод о том, что неизбежное присутствие хаоса в более или менее упорядоченном мире формирует специфического человека, способного к эвристическому проектированию вероятностной модели своего поведения. Прецедент можно найти, если обратиться к фольклорно-мифологическому образу трикстера, суть поведения которого в том, что оно всегда нарушение норм, сложившихся в его сообществе. Характеризуя его парадоксальную одаренность, В.Н.Топоров пишет: «Готовность и умение усвоить себе особый тип поведения с особой логикой (точнее, анти-логикой) определяет активный полюс деятельности трикстера; отдача же себя ситуации рокового выбора, напротив, отсылает к пассивному полюсу, где сам трикстер оказывается игрушкой в руках Судьбы, если только на следующем этапе он не переигрывает ее за счет особой, даже Судьбе не известной стратегии поведения».

* * *

Читателю предоставляется повод задуматься, не прижился ли в нем человек трикстерной породы, например, динамически ориентированный фаталист? Его главная примета, по словам В.Н.Топорова [10], состоит в том, что он «всегда ищет в хаосе возможностей свой единственный шанс на необщих путях, а ими обычно оказываются такие пути, которые расцениваются коллективным сознанием... как неправильные, неэффективные, ошибочные, заведомо плохие. Собственно говоря, так оно и есть, особенно если учесть, что главная цель коллектива – установка не на максимум, а на гарантию сохранности, часто предполагающей именно стабильность, неизменность, верность апробированным образцам... В формуле «пан или пропал» для коллектива самое важное – *не пропасть*. Но существует класс экстремальных ситуаций, когда единственный шанс спасения – в отдаче себя выбору между «пан» или «пропал», полным успехом или тотальным поражением (гибелью), во вступлении на путь риска, где неудача окончательна, необратима и навсегда закрывает ситуацию».

Читателей, не равнодушных к теме данной статьи, автор приглашает углубиться в книгу «Дао и Логос» (издана в конце 1992 г.), увлекательно написанную культурологом-востоковедом Т.П.Григорьевой, показавшей, какое место занимала тема Хаоса у ряда русских философов начала 20 в.

Библиографический список

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С.21.
2. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.
3. Голосовкер Я.Э. Логика мифа . М.: Наука, 1987.
4. Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983.
6. Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука, 1986.
7. Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М.: Наука, 1991.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.
9. Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л.: Наука, 1976.
10. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику //Архаический ритуал и фольклор в раннелитературных памятниках. М., 1988. С.7.
11. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982.
12. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990.
13. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х томах /Под ред. С.А.Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т.1.; 1982. Т.2.
14. Мифологический словарь /Под ред. Е.М.Мелетинского. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
15. Словарь античности /Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989.
16. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990.
17. Антес Р. Мифология в древнем Египте // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 55.
18. Реддер Д.Г. Мифологическое мышление и зачатки научного мировоззрения в древнем Египте //Культура древнего Египта. М., 1975. С. 223.
19. Литинская Я., Марциняк М. Мифология древнего Египта. М.: Искусство, 1983.
20. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М.: Наука, 1984.
21. Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии / Сост. В.К.Афанасьевой и И.М.Дьяконова. М.: Худож. лит., 1981.
22. Оппенхейм Л. Древняя Месопотамия. М.: Наука, 1990.
23. Крамер С.Н. Мифология Шумера и Аккада //Мифология древнего мира. М., 1977. С.122.; Он же. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1991.
24. Гюттербок Г.Г. Хеттская мифология //Мифология древнего мира. М., 1977. С. 161.
25. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. С.7.
26. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии //Пер. Вяч. Вс. Иванова. М.: Худож. лит., 1977. С. 52.
27. Гордон С. Ханаанейская мифология //Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 199.
28. Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита (ХIУ–ХIII вв. до н.э.). М.: Наука, 1987. С. 56.
29. Ригведа: Избранные гимны /Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1972. С. 259.
30. Браун У.Н. Индийская мифология //Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 283.
31. Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М.: Наука, 1979. С. 65.
32. Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л.: Наука, 1990. С. 11.
33. Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М.: Искусство, 1989. С. 7.

34. *Публий Овидий Назон*. Метаморфозы /Пер. С.В.Шервинского. М.: Худож. лит., 1977. С. 31.
35. *Публий Овидий Назон*. Элегии и малые поэмы /Пер. с лат. М.: Худож. лит., 1973. С. 236.
36. *Аверелий Марк Антонин*. Размышления. Л.: Наука, 1985. С. 16.
37. *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1987. С. 10.
38. *Евсюков В.В.* Мифология китайского неолита. Новосибирск. Наука, 1988. С. 34.
39. *Бодде Д.* Мифы древнего Китая // Мифологии древнего мира., 1977. С. 366.
40. *Кэрролл Л.* Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1978. С. 171.
41. *Ткаченко Г.А.* Космос, музыка, ритуал: Мифы и эстетика в «Люйши чунцю». М.: Наука, 1990. С. 16.
42. *Сондерс Э. Д.* Японская мифология // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 405.
43. *Чеснов Я.В.* Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культура, обряды народов Зарубежной Азии. М., 1986. С. 59.
44. *Рабинович В.Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. С. 70.
45. *Мяло К.Г.* Космогонические образы мира: между Западом и Востоком // Культура, человек и картины мира. М., 1987. С. 227.
46. *Дьяконов И.М.* Введение // Мифологии древнего мира. М., 1977. С.5.
47. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. С. 84.
48. *Данилов Ю.А., Кадомцев Б.Б.* Что такое синергетика? //Нелинейные волны. Самоорганизация. М., 1983. С. 5.
49. *Папюс*. Каббала, или Наука о Боге, Вселенной и Человеке /Пер. с фр. А.В.Трояновского; Под ред. Н.А.Переферковича. СПб.: Изд. В.Л.Богушевского. 1910. С. 261.
50. *Евсюков В.В.* Мифы о вселенной. Новосибирск, 1988. С. 6.
51. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 183.
52. *Щербаков В.И.* Где жили герои эддических мифов? М.: Знание, 1989.
53. *Юнг К.Г.* Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 103.
54. Русский Эрос, или философия любви в России /Сост. В.П.Шестаков; Коммент. А.Н.Богословского. М.: Прогресс. 1991.

Томский университет

Поступила в редакцию 28.02.92 г.

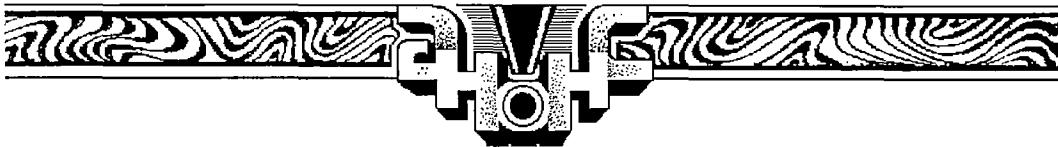
CHAOS, ORDER, TIME IN ANCIENT PICTURES OF THE WORLD

B.N. Poizner

The national images of chaos, order and time in myths (26 age B.C. – 13 age A.D.) are described. Their important interpretations are systematized, their relation with rituals and modern culture self-consciousness is discussed. The author advances the conception such as «time of chaos» and «Russian Chaos» (i.e. a sphere of artistic realizations of philosophical category of chaos).

Пойзнер Борис Николаевич – родился в 1941 году в Томске, окончил Томский университет в 1963 году. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук в ТГУ (1970) в области теории колебаний и волн. Доцент ТГУ. Область научных интересов: квантовая электроника, применение нелинейной динамики в оптике и материаловедении, прикладная наукометрия, культурологическая теория образования. Соавтор учебных пособий «Лабораторный практикум по физике лазеров», «Импульсные лазеры на плотных газах» и др. Опубликовал статьи по указанной тематике и по ряду гуманитарных проблем. Инициатор издания и редактор библиографических указателей, посвященных научному творчеству, применению компьютера в образовании, литературе и философии русской эмиграции, университетскому образованию, синергетике и супредельным наукам. Член комиссии по творческому наследию Густава Шпета. Председатель Вольного Гуманитарного Семинара г. Томска

В издательстве Саратовского университета вышли в свет в 1993 году

Учебное пособие для студентов физического факультета
по курсам «Физика полупроводниковых приборов», «Оптоэлектроника»

Б.И. Горфинкель

ЗНАКОСИНТЕЗИРУЮЩАЯ ЭЛЕКТРОНИКА:
Низковольтная катодолюминесценция

Учебное пособие для студентов физического факультета
по курсу «Организация, планирование и управление предприятиями
электронной промышленности»

Б.И. Горфинкель

ЗНАКОСИНТЕЗИРУЮЩАЯ ЭЛЕКТРОНИКА:
Управление разработками и производством изделий электронной техники.
Организационные структуры

анонсанонс анонс анонс анонсанонс анонс анонс анонсанонс
онс анонс
с анонс анонс